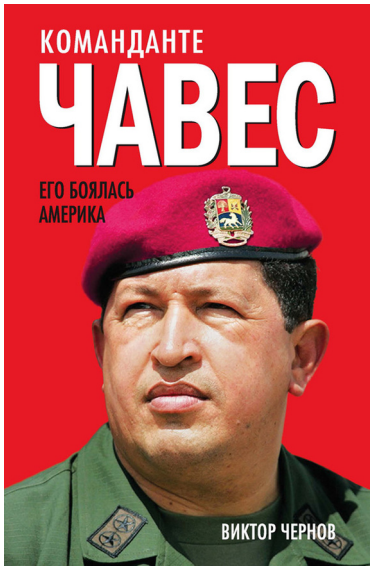
КОМАНДАНТЕ
ЧАВЕС
ЕГО БОЯЛАСЬ
АМЕРИКА
ВИКТОР ЧЕРНОВ

Виктор Чернов

Команданте Чавес. Его боялась Америка

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17071511
Команданте Чавес. Его боялась Америка. Предисловие А.А. Проханов. Предисловие А.А. Нагорный: Книжный мир; М.; 2014
ISBN 978-5-8041-0636-3

Аннотация

Смерть Чавеса вспыхнула над миром радугой его бессмертия. Он появился из магмы латиноамериканского континента. Он – слиток, родившийся из огненного вулкана. Он – индеец, в чьих жилах бушует наследие ацтеков и инков. Он – потомок испанских конкистадоров, вонзивших в Латинскую Америку свой окровавленный меч, воздевших над американским континентом свой католический крест. Он – социалист, тот красный пассионарий, который полтора века сражается за народ, отрицая жестокую несправедливость мира.

Как Камчатка является родиной вулканов, так Латинская Америка является родиной революций. Как молодая галактика рождает сверхновые звёзды, так Латинская Америка рождает пламенных вождей революции. Фидель Кастро – это Чавес. Сальвадор Альенде – это Чавес. Даниэль Ортега – это Чавес. Эво Моралес – это Чавес. Им нет числа, и они необоримы.

Содержание

Александр Проханов 5
Александр Нагорный 6
Глава 1. «Колючка в саванне» 8
Глава 2. Индейская Америка Уго Чавеса 17
Глава 3. Уго Чавес – социалист XXI века 33
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Виктор Чернов
Команданте Чавес. Его боялась Америка

© А.А. Проханов, предисловие 2014
© А.А. Нагорный, предисловие 2014
© В. Чернов 2014
© Книжный мир 2014

Александр Проханов
Чавес умер. Да здравствует Чавес

Со смертью линия жизни не прерывается. Она преломляется, как луч преломляется в призме. Если луч жизни исполнен дивного света, то после преломления в смерти он становится радугой.

Смерть Чавеса вспыхнула над миром радугой его бессмертия. Он появился из магмы латиноамериканского континента. Он – слиток, родившийся из огненного вулкана. Он – индеец, в чьих жилах бушует наследие ацтеков и инков. Он – потомок испанских конкистадоров, вонзивших в Латинскую Америку свой окровавленный меч, воздевших над американским континентом свой католический крест. Он – социалист, тот красный пассионарий, который полтора века сражается за народ, отрицая жестокую несправедливость мира.

Как Камчатка является родиной вулканов, так Латинская Америка является родиной революций. Как молодая галактика рождает сверхновые звёзды, так Латинская Америка рождает пламенных вождей революции. Фидель Кастро – это Чавес. Сальвадор Альенде – это Чавес. Даниэль Ортега – это Чавес. Эво Моралес – это Чавес. Им нет числа, и они необоримы.

Чавес боролся с тепловой смертью, побеждал энтропию мира. Он нёс огонь туда, где у людей остыли сердца. Где они смирились перед мощью авианосцев и фондовых рынков. Где они поклонились чудовищу, отрицающему закон Божий. Отвергающему тот чертёж, по которому Господь создал мироздание. Сикейрос, Диего Ривера, Маркес, Борхес – это тоже Чавес. Чавес сражался с Соединенными Штатами и, поэтому, был любим всем миром. Иранский Ахмадинежад – это тоже Чавес. Белорусский Лукашенко – это Чавес.

Смерть Чавеса – горе миллиардов. Мир рыдает, провожая гроб, в котором покоится великий десантник. Мир не хочет расставаться с Чавесом, а желает видеть его вечно, помещённым в стеклянный саркофаг. Народ на руках вносит Чавеса в историю. Как смехотворны, мелкотравчаты и ничтожны лидеры западного мира с их комариной судьбой, которые исчезают навсегда, едва лишь подует ветер перемен. Их имена забывают на следующий день после новых выборов или новых революций. Кто такие Берлускони, Саркози, Блэр? Это лилипуты, жившие в эпоху великого Чавеса.

Либералы ликуют, справляют чёрные мессы в своих сатанинских подземельях, называют Чавеса диктатором, палачом и даже собакой. Они опоздали со своей бранью и сквернословием. Прекрасное, с толстыми губами, смеющееся лицо Чавеса навеки отчеканено на золотой плите истории. Его изображение будут носить на майках, как носят изображение Че Гевары.

Вот путь для народного вождя и героя. Вот доля десантника, которого сбросил на землю с небес Господь Бог. Путин, хочешь войти в историю – делай, как Чавес!

«Завтра». Выпуск № 11 (1008)

Александр Нагорный
Мир после Чавеса

Смерть и похороны президента Венесуэлы Уго Чавеса стали событием всемирного масштаба.

На улицы Каракаса, по которым проходила траурная процессия, проститься с Команданте вышли полтора миллиона человек. Почтить его память прибыли делегации из 51 стран мира, 22 из них – во главе с «первыми лицами» этих стран. Среди них – президент Республики Беларусь Александр Лукашенко, объявивший в связи со смертью Чавеса трехдневный государственный траур.

Даже в Соединенных Штатах, которые почти открыто называли Чавеса своим политическим противником и поддерживали оппозиционные Команданте силы как внутри самой Венесуэлы, так и в приграничных с ней государствах, в репортажах о нем преобладали позитивные оценки. Возможно, для того, чтобы таким образом «закрыть» возможный «след янки» в истории болезни и смерти Уго Чавеса, который, тем не менее, проявился через взаимную высылку дипломатов. Но всё же.

А Россия, которую Чавес считал своим искренним союзником, ограничилась весьма скромным присутствием: делегацию Кремля возглавила спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко, – видимо, потому, что действующий президент РФ сейчас по какой-то причине предпочитает по возможности обходиться без рисков, связанных с зарубежными поездками, а действующему премьер-министру как заядлому либералу «не к лицу» почтить память великого анти-либерала и социалиста современности Уго Чавеса.

Вообще, российские либералы: Чубайс, Илларионов, Шендерович и прочие, рангом помельче, словно с цепи сорвались: «Стандартный диктатор банановой республики, отличавшийся нестандартной политической ориентацией. Дружил не с капиталистами, а с коммунистами. И всё-о-о-о!.. Сточки зрения экономической политики Уго Чавес, опять же, был пустым местом. При подобной нефтяной конъюнктуре, будь она в 90-х, мы бы вспоминали «дедушку» и 9 лет его правления добрыми словами, праздновали его день рождения всей страной с концертом на «Первом», а программу приватизации «ныне действующего президента РФ Анатолия Борисовича Чубайса» в школьных учебниках сравнивали бы с «Новым экономическим курсом» Франклина Рузвельта. Вот только нефть в то время стоила около 12$… Чавесу же с его популизмом достались другие цены и, соответственно, другие доходы. В общем, этот плач Ярославны по гнилому союзнику-латиноамерикашке мне совершенно непонятен».

Что ж, как говорил некогда Бенедикт Спиноза, «невежество не является аргументом». Либералы «не понимают», а на самом деле – очень хорошо понимают, боятся и ненавидят Чавеса вовсе не потому, что тот «был пустым местом», а потому, что сверхдоходы от экспорта венесуэльского «черного золота» при нем доставались не «жирным котам»-олигархам, не коррумпированным чиновникам и не иностранным корпорациям, от которых кормятся представители «глобального либерального дискурса». И не на личное обогащение «диктатора-популиста». Они шли на развитие венесуэльской экономики (прежде всего – нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности), на укрепление государства и его обороноспособности.

Чавес полностью реформировал венесуэльскую армию, сделал её истинно народной, уничтожив пропасть между богатыми офицерами-аристократами, как правило, обучавшимися в североамериканских военных училищах, и нищими безграмотными солдатами, пошедшими в казармы, чтобы не умереть от голода.

Чавес – при помощи кубинских специалистов – создал в Венесуэле государственные системы образования и здравоохранения, резко повысившие человеческий потенциал этой страны.

Чавес запустил десятки, если не сотни программ, направленных на установление социальной справедливости в венесуэльском обществе, на поддержку неимущих, неграмотных, больных и престарелых.

Чавес поднял международный престиж Венесуэлы на небывалую в ее истории высоту, сравнимую разве что со временами Либертадора Симона Боливара.

Именно поэтому провалились все попытки внутренней и внешней реакции свергнуть Чавеса. Дважды его противникам удавалось силой отстранить его от власти, заключить в тюрьму – и дважды народ вместе с армией снова на руках вносили своего Команданте в президентский дворец Мирафлорес. Его сторонники и сегодня легко, на любых выборах, соберут не менее 60 % голосов избирателей Венесуэлы.

Чавес всю свою жизнь был победителем и погиб победителем, потому что ни разу не изменял себе, своим принципам и идеалам. Он показал собственной стране, Латинской Америке и всему миру, что «вашингтонский консенсус», вот уже два десятилетия утверждающий глобалистский проект Фининтерна, диктат доллара и «право сильного» на всей планете Земля – вовсе не абсолют, не аксиома, что ему с успехом можно и нужно противостоять.

Что изменилось и может измениться в мире и в России с уходом Команданте? Кто станет его преемником на посту президента Венесуэлы: нынешний и.о. президента Николас Мадуро или же либеральный губернатор нефтеносного штата Миранда, галахический еврей Энрике Каприлес? Какой окажется судьба созданного Чавесом Боливарианского движения – проекта альтернативной «глобалистскому проекту» интеграции стран Латинской Америки? Восстановят ли американские финансовые спруты и нефтяные монополии полный контроль над венесуэльской экономикой?

Разумеется, ответ на все эти и на многие другие вопросы даст только время. Но не будем забывать, что они вообще появились и оказались в мировой политической повестке дня только благодаря Уго Чавесу. Он был настоящим человеком – народным лидером, творящим историю, а не политиканом, идущим на поводу разного рода «объективных обстоятельств» и мелких личных или групповых интересов.

Поэтому нет никакого смысла предаваться унынию, в том числе – унынию социально-историческому. Да, личности масштаба Чавеса – это уникальные явления, которые возникают далеко не в каждой стране и далеко не каждое десятилетие и даже далеко не каждый век. Но они, словно маяки, указывают человечеству направление движения на перепутьях истории. И трижды прав был великий русский поэт Николай Некрасов, в стихотворении «На смерть Добролюбова» написавший:

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни…

Эти слова в полной мере относятся и к Команданте Уго Чавесу.

«Завтра». Выпуск № 11 (1008)

Глава 1. «Колючка в саванне»

«Жажда жизни бьет из меня ключом».
Уго Чавес

5 марта 2013 г. – как раз в 60-ю годовщину кончины Иосифа Виссарионовича Сталина – умер другой человек, чья смерть вызвала, быть может, не меньший резонанс, чем уход из жизни вождя советского народа: Уго Рафаэль Чавес Фриас. Из тех 58 лет, что отпустила ему судьба, 14 он провел на посту президента южноамериканского государства с непривычным названием Боливарианская Республика Венесуэла. И почти все эти полтора десятилетия был притчей во языцех, не сходил со страниц газет и с экранов телевизоров, предоставляя своими словами и поступками многочисленным работникам второй древнейшей профессии возможность заработать на жизнь. Его яркие заявления цитировали все мировые СМИ, а видео с его участием набирали миллионы просмотров со всего мира.

В отличии от иных вождей, президентов и премьеров, Уго Чавес никогда не прятался от народа. И венесуэльского президента, в свою очередь, интересовали мелочи жизни, иногда весьма пикантные.

О которых он не стеснялся высказывать свое мнение. То Чавес выступает против чрезмерного увлечения юных венесуэлок силиконовыми грудными имплантатами (кстати, сам факт того, что в Венесуэле услуги пластического хирурга стали доступны широким слоям населения, свидетельствует о возросшем благосостоянии соотечественников Чавеса), то называет куклу Барби «потребительским идолам, навязываемым Западом». Не обошел своим внимание венесуэльский президент и индустрию компьютерных игр, заявив, что «продукция PlayStation – это самый настоящий яд. Капиталистические державы распространяют напичканные насилием видеоигры, чтобы в будущем было проще продавать оружие» и подписав закон, по которому распространение жестоких видеоигр карается заключением в тюрьме как «психологический террор».

Президент Венесуэлы У го Рафаэль Чавес Фриас (1954 – 5 марта 2013 г.)

Будучи правоверным католиком, Чавес, между тем, не чурался и религии коренных жителей Южной Америки. В 2006 году, в национальный праздник «День индейского сопротивления», две симпатичных колдуньи из племени гуаю совершили над президентом «обряд защиты от злых духов».

Не стеснялся венесуэльский лидер спеть хором со своими коллегами на очередном антиглобалистском форуме, или заявить с высокой трибуны ООН, что после американского президента здесь пахнет серой, а самого Джорджа Буша назвать дьяволом, алкоголиком и больным. Доставалось от него и испанскому королю, и канцлеру Германии. «Госпожа канцлер, вы можете идти… Так как она женщина, я больше ничего не скажу», – такой мессаж отправил Чавес Ангеле Меркель.

Сам Чавес говорил о себе так: «Я как колючка в саванне, которая может давать аромат друзьям во время цветения, и шипы врагам, когда меня трогают».

Уго Чавес целует распятие перед интервью

Достоянием общества становились иногда некоторые приватные стороны жизни Чавеса. Например, когда оппозиция обвинила его в наркомании, он признался в употреблении листьев коки, заметив, впрочем, что «кока – это не кокаин. Я жую коку каждое утро и нахожусь в отличной форме» и добавив, что коку он получает от своего друга, президента Боливии Иво Моралеса (третьего по величине производителя кокаина в мире).

Когда Чавес скончался, его смерть оказалась событием, не оставивши никого равнодушным. Наверно, не много найдется в мире политических деятелей, чья смерть заставит оторваться от повседневных забот и офисный планктон, и работягу в утренней электричке, и высокопоставленных слуг народа в их уютных кабинетах.

Соболезнования в связи со смертью Уго Чавеса высказали руководители многих стран мира, генеральный секретарь ООН и лидеры других международных организаций.

Президент России Владимир Путин назвал Чавеса «неординарным и сильным человеком», «выдающимся лидером» и «близким другом России», благодаря личным усилиям которого «был заложен прочный фундамент российско-венесуэльских отношений»: «Чавес был, безусловно, очень талантливым, ярким человеком, смелым и уже при жизни стал одним из символов борьбы Латинской Америки за независимость, за истинную свободу. И в этом смысле он еще при жизни, думаю, вошел в ряд таких выдающихся сынов Латинской Америки как Симон Боливар, Эрнесто Че Гевара и здравствующий поныне Фидель Кастро. Мы его таким и запомним».

Не столь восторженно (что и понятно, если вспомнить, как он оценивал их при жизни) оценили своего коллегу президенты западных стран. Весьма двусмысленно отозвался о нем министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг: «Я опечален, узнав о смерти сегодня президента Венесуэлы Уго Чавеса. Как президент Венесуэлы в течение 14 лет, он оставил после себя глубокое впечатление, как в своей стране, так и в значительно более широком масштабе».

Владимир Путин и Уго Чавес (Каракас, 2010 г.)

Барака Обама и Уго Чавес на открытии саммита Организации американских государств (ОАГ) в республике Тринидад и Тобаго (2009 г.)

Франсуа Олланд отделался дежурными фразами о том, что Уго Чавес «продемонстрировал неуклонную волю» и что народ Венесуэлы «сможет преодолеть это испытание, сохранив демократию и гражданский мир».

Вовсе прохладно отнесся к смерти своего врага Барак Обама, лишь отметив сам факт ухода венесуэльского президента из жизни, и, как и Олланд, пообещав «продвигать» «демократические принципы» и «права человека» в Венесуэле. А, как все мы теперь знаем, на эзоповом языке новых международных отношений это можно расценивать чуть ли не как обещание ковровых бомбардировок – пример Ливии и Сирии у нас перед глазами. То, что такое развитие событий вполне возможно, свидетельствует реакция других американских политиков, не связанных политическим этикетом так сильно, как президент США. Отто Райх, бывший посол США в Венесуэле с недипломатической прямотой заявил, что «США окажутся в куда лучшей ситуации сейчас в Латинской Америке в отсутствие господина Чавеса у власти», а председатель комитета палаты представителей США по международным делам республиканец Эд Ройс, позабыв известную латинскую поговорку «de mortuis aut bene, aut nihil»[1], не скрывал своей радости: «Уго Чавес был тираном, который вынудил народ Венесуэлы жить в страхе. Его смерть – это удар по антиамериканскому альянсу левацких лидеров в Южной Америке. Избавиться от диктатора – хорошо».

Зато руководители некоторых других стран были вне себя от горя и ярости.

Президент Ирана Махмуд Ахмадинеджад фактически обвинил в смерти Чавеса США и приравнял его к Махди[2]: «Он в итоге скончался от подозрительной болезни. Он отдал свою жизнь тому, чтобы поднять страну, и освободить ее людей. У меня нет никаких сомнений, что он вернется так же, как и благочестивый Иисус, как совершенный человек».

Такой взгляд на Чавеса, видимо, вполне согласуется с тем, как президент Венесуэлы – католик и социалист в одном лице – воспринимал свою политическую и социальную миссию, стоит только вспомнить, что выступая с трибуны ООН после Джорджа Буша-младшего, Чавес сказал: «Дьявол в этом доме. Дьявол, сам дьявол, прямо в этом доме. И дьявол приходил сюда вчера, приходил вчера сюда, прямо сюда (тут Чавес перекрестился). И сегодня здесь все еще пахнет серой. Вчера, дамы и господа, с этой трибуны президент США, джентльмен, которого я называю дьяволом, говорил так, как будто он владеет миром. На самом деле как будто он владелец всего мира».

Впрочем, и сам Ахмадинеджад считал, что в американского президента «вселился сатана».

---

[1] О мертвых или хорошо, или ничего. – *лат*.

[2] **Махди** (*араб*. – «ведомый [по пути Аллаха]») – провозвестник близкого конца света, последний преемник пророка Мухаммеда, своего рода мессия. В ортодоксальном суннитском исламе Махди – это потомок пророка, который будет одним из лидеров мусульман и который придет во время второго пришествия Исы (Иисуса). Он не несет мессианских задач, это человек своей эпохи, который пойдет на Даджала (Антихриста). В шиитском учении Махди – это не только потомок пророка и сын своей эпохи, но сокрытый долгожданный Двенадцатый Имам. Он будет пребывать в сокрытии до часа, назначенного Богом, после чего придет на землю, чтобы руководить мусульманами, установит царство справедливости и благоденствия. Фактически, Махди является у шиитов Мессией. Мессианские идеи нередко вдохновляли социальные и религиозные движения в мусульманском мире.

Уго Чавес и Президент Ирана Махмуд Ахмадинеджад (Каракас, 2012 г.)

Еще более болезненно восприняли смерть Уго Чавеса руководители южноамериканских государств. Даже президент Колумбии, которая была одно время на грани войны с Венесуэлой, признал, что уход из жизни венесуэльского лидера «великая потеря для Венесуэлы, для региона, для Колумбии» и для него лично.

Что уж говорить о других политиках этого региона!

Руководитель Бразилии Дилма Русефф назвал Чавеса «великим лидером», а его уход из жизни – «невосполнимой потерей» и добавил: «Президент Чавес оставил пустоту в наших сердцах, в истории и во всей борьбе Латинской Америке… поскольку прежде всего он был другом Бразилии, другом бразильского народа».

Уго Чавес и Президент Беларуси Александр Лукашенко

Уругвайский лидер Хосе Мухика вторил Русеффу: «Это был предсказуемый исход, но удивление и боль велики, потому что мы потеряли друга. Тебя всегда печалит смерть, но когда ты говоришь о ком-то, кто боролся с тобой бок о бок, о ком-то, кого, я помню, я как-то назвал самым великодушным из лидеров, которых я когда-либо встречал, боль приобретает совсем другое измерение».

Президент Эквадора и верный союзник Чавеса Рафаэль Корреа добавил: «Уго останется живым, он будет освещать и указывать путь. Он будет вдохновлять необратимые революции во имя суверенитета, достоинства, настоящей свободы, справедливости, радости, счастья… Он умер ради более справедливого мира, более человечного – и поэтому его нельзя считать мертвым». Вице-президент Аргентины Амадо Буду воскликнул: «Один из лучших из нас покинул нас. Ты всегда будешь вместе с нами, команданте!»

А президент Боливии Эво Моралес был немногословен.

«Мы страдаем», – сказал он.

Десятки тысяч людей пришли проститься со своим команданте, который посмертно был награжден копией шпаги Симона Боливара – фактически, высшей наградой Венесуэлы. Куба прощалась со своим другом и союзником залпами артиллерийского салюта, Эквадор и Беларусь объявили трехдневный траур, во многих странах прошла минута молчания в связи с «безвременной кончиной президента Венесуэлы».

Делегации почти из 60 стран (среди них – руководители 32 государств), прибыли на траурную церемонию в Каракас. В почетном карауле стояли президент Беларуси Александр Лукашенко с сыном, глава Ирана Махмуд Ахмадинеджад, президент Эквадора Рафаэль Корреа, боливийский лидер Эво Моралес, глава Кубы Рауль Кастро.

Первоначально даже предполагалось забальзамировать тело Уго Чавеса и поместить под стеклянный колпак в Музее революции, превратив со временем музей в мавзолей. Так что Чавес встал бы в один ряд уже с Лениным, Хо Ши Мином и Мао Цзэдуном.

Может быть, последним местом упокоения венесуэльского лидера станет другое здание – белоснежный мавзолей в форме паруса, который Уго Чавес построил при жизни,

чтобы перенести туда останки национального героя Венесуэлы Симона Боливара, страстным поклонником которого Чавес был всю свою жизнь. Именно Чавес, придя к власти, добился того, что страна стала официально называться Боливарианской Республикой.

Президент Венесуэлы Уго Чавес и ливийский лидер Муаммар Каддафи

Фредди Бернал, депутат правящей партии в парламенте Венесуэлы сразу после смерти Чавеса написал в своем микроблоге, что «политическая величина команданте Чавеса и его величайшее служение Родине достойны того, чтобы он был захоронен рядом Симоном Боливаром Освободителем».

Его «инициативу» подхватил министр обороны Венесуэлы Дьего Молеро Белавия, который заявил в интервью венесуэльскому телевидению: «Я получил десятки тысяч обращений от наших офицеров, которые спрашивают меня: почему нельзя похоронить нашего президента Уго Чавеса в Национальном пантеоне? Останки Уго Чавеса должны быть рядом с Симоном Боливаром».

О том же говорит в своем обращении главнокомандующий сухопутными войсками генерал Луис Мотта Домингес: «Товарищи, соотечественники, мы только об этом можем мечтать. Останки нашего Верховного главнокомандующего, несомненно, должны быть в пантеоне рядом с национальным героем страны Симоном Боливаром. Он это заслужил. Поддержите нашу просьбу. Чавеса – в пантеон!»

Однако этому воспрепятствовало прежде всего то, что команданте при жизни собственноручно внес поправку в конституцию страны, которая разрешает выдающимся венесуэльцам быть захороненными в пантеоне только через 25 лет после их смерти. Статья 187 Конституции Венесуэлы гласит: «Выдающиеся венесуэльцы могут быть удостоены чести быть захороненными в Пантеоне спустя 25 лет после их смерти. Такое решение принимается по рекомендации президента страны, или по инициативе 2/3 от общего количества губернаторов и ректоров национальных университетов».

Уго Чавес и Фидель Кастро

А потом и вовсе оказалось, что пока сторонники Чавеса решали свои политические задачи, возникшие со смертью лидера Венесуэлы (по-видимому, президент умер вовсе не 5 марта, а намного раньше), тело команданте стало непригодно для бальзамирования. Он отдал себя революции дважды: первый раз, когда смертельно больным пошел на выборы 2012 года, зная, что это будет стоить ему жизни, второй раз – когда лежал уже мертвый, теряя шанс на посмертные почести, равняющие его с теми, кто изменил мир в XX веке.

Уго Чавес был возмутителем спокойствия при жизни, таким он остался и после смерти. Мятежник, индеец, десантник, политик, боливарианец, социалист, отличный спортсмен и хороший художник, он прожил яркую жизнь. Но в этой жизни было место не только подвигу, но и загадке.

Как индейский паренек из небогатой семьи, которому мать пророчила карьеру священника, стал военным и политиком, смог подняться после разгрома организованного им путча и стать президентом страны?

Кто, какие силы стояли за его спиной?

Правда ли то, что смерть Чавеса – не случайна и была организована спецслужбами США?

И, если так, то самое главное: за что на самом деле убили 74-го президента Республики Венесуэла?

Глава 2. Индейская Америка Уго Чавеса

«Абья-Яла – вот имя нашего континента…»

«Нет оправдания нежеланию делать историю, если для этого предоставляется случай».

Уго Чавес

Чавес – индеец с примесью негритянской крови. Его предок по материнской линии был активным участником Гражданской войны 1859–1863 годов, сражался под руководством народного вождя Эсекиеля Саморы[3]. Рассказы и легенды об этих событиях передавались из поколения в поколение и оказали сильное влияние на формирование будущего лидера «боливарианской революции».

Чтобы понять любовь к Чавесу, преклонение перед ним не только многих рядовых южноамериканцев, но и руководителей некоторых стран Латинской Америки, надо слегка углубиться в историю этого континента.

В название этой главы не просто так вынесено слово, которым Чавес предлагал заменить привычное прилагательное «Латинская». «Давайте будем называть наш континент Индейской Америкой вместо Латинской Америки, – заявил Чавес в Каракасе на встрече с индейской общиной в декабре 2008 года. – Что значит «Латинская»? Этот термин нам навязали европейцы, хотя всем хорошо известно, что индейцы являются коренным населением региона…» И продолжил: «Называя континент Индейским, мы тем самым восстанавливаем историческую справедливость».

[3] **Самора Эсекиель** – народный герой Венесуэлы. С конца 1840-х гг. лидер демократического крыла партии либералов. Самора отстаивал принципы национального суверенитета, демократии и эгалитаризма, осуществление которых связывал с созданием федерального государства. В 1846 году Самора, будучи кандидатом Либеральной партии, в результате обвинений в нарушениях был отстранён от участия в выборах. Эсекиель Самора начал военное сопротивление, поддержав народное восстание, но был захвачен 26 марта 1847 года и приговорён к смертной казни. Приговор был заменён заключением, поскольку президент Хосе Тадео Монагас решил отменить смертную казнь за политические преступления. В феврале 1859 года Самора возглавил народное восстание, явившееся началом гражданской войны в Венесуэле, известной под названием Федеральной войны (1859–1863). Руководимые им войска одержали ряд побед над консерваторами. Но 10 января 1860 года Самора умер от пулевого ранения в голову во время подготовки атаки в очередной битве. В родном Куа установлены памятники в честь Саморы. В 1872 году его прах перенесён в Национальный пантеон Венесуэлы в Каракасе.

Эво Моралес, президент Боливии и Уго Чавес

Эво Моралес, президент Боливии и Уго Чавес

И хотя некоторые политологи объясняют такое предложение Чавеса его индейскими корнями, надо отдать должное его правоте: действительно, собирательное название все стран и территорий, расположенных на карте мира ниже южной границы США – Латинская Америка – было введено как политический термин французским императором Наполеоном

III[4], который рассматривал Центральную и Южную Америку и Индокитай как «сферы особых национальных интересов» Второй Французской империи.

Сферой «особых интересов» Южная Америка стала для Европы пять столетий назад, когда, после открытия Христофора Колумба в 1492 году Америки, начался дележ Американского континента между ведущими европейскими державами того времени: Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Великобританией.

Так исторически сложилось, что Южная Америка, в отличие от Северной, была поделена между двумя странами Пиренейского полуострова, Португалией и Испанией, которые одновременно были и двумя самыми развитыми морскими державами того времени. Разделу предшествовала стадия острого противостояния, и лишь благодаря усилиям папы Римского Александра VI[5] (из знаменитейшей семейки Борджиа), который в своей булле «Inter caetera» попросту поделил весь мир между двумя «католичнейшими» королями, проведя линию раздела от полюса до полюса по Атлантическому океану (чуть западнее Азорских и Канарских островов). Все что было западнее – принадлежало Испании, все что восточнее – Португалии. Как говорится, «весь мир в кармане»!

В июле 1497 года обе страны подтвердили свое согласие с папским решением, подписав Тордесильясский договор и утвердив так называемый «папский меридиан». Испания еще не знала, что тем самым подарила Португалии значительный кусок Южной Америки – будущую родину знаменитых карнавалов, Бразилию. Это стало ясно только через три года, в результате экспедиции португальского адмирала Педру Алвареша Кабрала, который во главе 13 кораблей и полутора тысяч человек отправился в Индию, но неожиданно для испанцев сменил курс и высадился в апреле 1500 года на восточной оконечности южноамериканского континента, назвал новую землю Terra da Vera Cruz и объявил ее принадлежащей Португалии.

Однако другие европейские державы (Франция, Англия, Голландия) отказались признать раздел мира между двумя пиренейским королевствами и активно вторгались как в испанскую, так и в португальскую «сферу влияния». И ладно бы только идущие полным курсом к протестантизму англичане и голландцы. Но, когда дело дошло до реальных территорий и богатств вновь открытой земли, даже католик из католиков, король Франции Франциск I отверг авторитет римского наместника святого Петра на земле и право папы Римского делить мир, заявив: «Я не помню такого места в завещании Адама, которое бы лишало меня доли на владение Новым Светом».

---

[4] **Шарль Луи Наполеон Бонапарт** (Луи-Наполеон Бонапарт), позже Наполеон III (20 апреля 1808 – 9 января 1873) – первый президент Французской республики с 20 декабря 1848 по 1 декабря 1852, император французов с 1 декабря 1852 по 4 сентября 1870 (с 2 сентября 1870 находился в прусском плену).

[5] **Александр VI** (до интронизации – Родриго Борджиа; 1 января 1431 года, Хатива, Королевство Арагон – 18 августа 1503 года, Рим) папа римский с 12 августа 1492. Значительно расширил пределы Папской области, превратив её в одно из крупнейших государств Италии. Вместе с тем скандалы, сопровождавшие его 11-летнее господство в Ватикане, сильно подорвали моральный авторитет папства и приблизили начало Реформации.

Уго Чавес и Папа Римский Бенедикт XVI (11 мая 2006 года)

В XVII веке начался закат испано-португальского колониального могущества и договор о разделе мира сохранял реальную силу только в Южной Америке, вплоть до 1777 года, когда был отменен. Но к этому времени большая часть континента была под властью Испании (вся Южная Америка кроме Бразилии, перешеек между двумя материками и территории современной Мексики и юго-запада современных США). Бразилия осталась за Португалией. Так возникло то неестественное политическое образование, которое назвали впоследствии Иберо-Америкой.

Другие лингвистические области Америки называются по своим государственным языкам европейского происхождения – Англо-Америка, где преобладает английский язык, и голландоязычные Суринам, Нидерландские Антильские острова и Аруба. Гренландия, являющаяся датской территорией, на которой распространен датский язык, часто рассматривается как часть Европы, несмотря на то, что географически она относится к Северной Америке.

Согласно политическому принципу к Латинской Америке относятся американские территории, ранее принадлежавшие Испании или Португалии, и на которых преобладают испанский или португальский языки: Мексика и большая часть Центральной Америки, Южная Америка и Вест-Индия (или Карибский регион). В таком понимании это синоним понятия Иберо-Америка. Территории, где распространены другие романские языки, например французский (канадская провинция Квебек) или креольские (переходные) языки, часто не рассматриваются как части Латинской Америки, несмотря на французское происхождение понятия. Иногда, особенно в Соединенных Штатах, термин «Латинская Америка» используется для названия всей части Америки на юг от США, в том числе таких стран как Белиз, Гайана, Ямайка, Барбадос и Суринам, где преобладают языки не романской группы. С другой стороны, особенно в Бразилии, этот термин распространяется исключительно на испаноязычные страны Америки.

Встреча председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла и Уго Чавеса (23 октября 2008 года, Каракас)

В Никольском кафедральном соборе Каракаса. (Фото: М. Родионова / Православие.ру)

В Соединенных Штатах термин не использовался до 1890-х годов, а стал распространен только в начале XX века. До этого там чаще использовался термин «Испанская Америка». Термин «Латинская Америка» сейчас указывает на регион объединенный наднаци-

ональными культурными интересами. Многие люди в Латинской Америке говорят не на романских языках, а на индейских или языках, принесенных иммигрантами. Этот регион представляет собой смесь романских культур с индейскими и африканскими, что значительно отличает его от европейских культур романского происхождения.

В конце XVIII – начале XIX веков начался развал колониальной системы на Американском континенте. Образование Соединенных Штатов и Великая Французская революция ускорили ход освободительной революции во всем западном полушарии.

Недовольство политикой метрополий зрело в колониях давно, но основной оппозиционной силой колониальному режиму стал наиболее влиятельный политический слой латифундистов-креолов[6] и местная буржуазия. В силу своего особого положения в колониальном обществе (богатство, доступ к образованию, навыки военной и политической деятельности) креолы играли ведущую роль в растущем движении за независимость.

В ночь на 22 августа 1791 года черные рабы Гаити (французской части колонии Сан-Доминго) подняли восстание против Франции. Вождем восстания стал негр Туссен-Лувертюр[7]. Армия Туссена раздавила сопротивление плантаторов, отбила наступление Англии, пытавшейся прибрать к рукам Гаити, вынудила капитулировать французский экспедиционный корпус генерала Леклерка, посланный Наполеоном I. В 1804 г. Гаити завоевала свободу и в 1806 г. была провозглашена независимым государством. Однако сам Туссен-Лувертюр приехал для переговоров к генералу Леклерку и был схвачен. Вскоре Туссен умер в одной из французских тюрем.

Но массовые выступления против метрополии в Южной Америке начались после того, как войска императора Наполеона I вторглись в Испанию и свергли короля Фердинанда VII из династии Бурбонов. Это дезорганизовало испанскую колониальную администрацию и позволило оппозиции подготовиться к выступлению против нее.

Во главе революцию встали крупные землевладельцы – креолы, но основную массу сражающихся армий составили крестьяне – индейцы и метисы.

В 1810 г. прошли антииспанские выступления в крупных городах по всему материку – в Каракасе, Буэнос-Айресе, Боготе и других. Революция началась в Аргентине, где восставшие свергли вице-короля. Руководство страной перешло в руки революционного совета – хунты, и в 1816 году Аргентина провозгласила себя независимой от Испании.

Другим революционным центром наряду с Аргентиной стала Венесуэла, где повстанцев возглавил Симон Боливар[8]. Сын 57-летнего Хуана Висенте Боливара и 18-летней Марии де ла Консепсион Паласиос Бланко родился 24 июля 1783 года в знатной креольской семье баскского происхождения в поместье Сан-Матео и был связан родственными узами со многими влиятельными семьями не только Венесуэлы, но и Испании. Боливары, как и большинство богатых креолов Венесуэлы, происходили из городка Ла-Пуэбла-де-Боливар в Бискайе, в Испании, находившегося тогда в округе Маркина. Первый из Боливаров, тоже Симон, поселился в Венесуэле еще в 1559 году. Он занимал в колониальной администрации пост казначея при генерал-капитане. Потомки этого Симона превратились со временем в одно

---

[6] **Креол** – этноним, имеющий различные значения. Чаще всего, это потомки европейских (испанских, португальских, реже – французских) переселенцев на территориях колоний в Северной и Южной Америке. В Бразилии и Вест-Индии – потомки негров-рабов.

[7] **Франсуа-Доминик Туссен-Лувертюр** (20 мая 1743 года, поместье Бреда недалеко от Кап-Аитьена – 8 апреля 1803 года, замок Фор-де-Жу, Франция) – лидер Гаитянской революции, в результате которой Гаити стало первым независимым государством Латинской Америки.

[8] **Симон Боливар** (Симон Хосе Антонио де ла Сантисима Тринидад Боливар де ла Консепсьон и Понте Паласиос и Бланко, 24 июля 1783, Каракас – 17 декабря 1830, Санта-Марта, Колумбия) – наиболее влиятельный и известный из руководителей войны за независимость испанских колоний в Америке. Национальный герой Венесуэлы. Генерал.

из богатейших семейств колонии, хотя и не «чистых» кровей: историки утверждают, что в XVIII веке в жилах Боливаров текла уже не чисто испанская кровь, а с примесью индейской и негритянской.

Отец Боливара владел поместьями, золотыми приисками и сахарными заводами. Ему принадлежали дома в Каракасе и в других городах Венесуэлы. На его плантациях работало свыше тысячи рабов. Не гнушался он заниматься и коммерцией: содержал в Каракасе через подставное лицо большую лавку по торговле сукном.

Несмотря на свое богатство и знатное происхождение, Боливары были креолами и как таковые находились на социальной лестнице ступенькой ниже испанцев. Как и другие креолы, отец Боливара зависел от баскских купцов, которым он вынужден был продавать за бесценок какао и другие продукты со своих плантаций.

Все это не могло не оказать влияния на взгляды отца Боливара. Известно, что он еще за полтора года до рождения Симона принимал участие вместе с Мирандой[9] в подготовке антииспанского восстания. Сохранилось письмо отца Боливара Миранде, подписанное еще двумя видными креолами, в котором авторы послания изъявляли готовность следовать за Мирандой и сражаться до последней капли крови во имя большого и почетного дела – освобождения Венесуэлы от испанского господства. Однако отцу Боливара не суждено было претворить свои намерения в жизнь. Он умер, когда Симону исполнилось три года. Через пять лет умерла и его мать. Сироты Боливары остались на попечение родственников, которые дали им первоклассное по тому времени образование.

Портрет Симона Боливара. (Хуан Ловера, 1827 год.)

[9] **Себастьян-Франсиско Миранда** (28 марта 1750, Каракас – 14 июля 1816, Сан-Фернандо, Испания) – руководитель борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке. Революционер, национальный герой Республики Венесуэла. Автор флага Венесуэлы. Участник Великой Французской революции.

Большую роль в воспитании юного Симона сыграли его няня-негритянка рабыня Ипполита и учитель и тезка Симон Родригес. Боливар всегда вспоминал с большой теплотой Ипполиту, которая заботилась о нем с исключительной преданностью. «Ипполита – моя мать, – писал он своей сестре в 1825 году. – Ее молоко вскормило меня, и я не знал других родителей, кроме нее».

Венесуэльский просветитель Симон Родригес в свою очередь оказал влияние на формирование мировоззрения Боливара. Родригес был фанатичным последователем Руссо и французских энциклопедистов, идеи которых он с энтузиазмом распространял среди колонистов. Его настоящая фамилия – Карреньо. От этой фамилии он отказался и принял фамилию матери – Родригес в знак протеста против своего брата, религиозное ханжество которого претило ему. Своим дочерям Родригес дал имена Майе (кукуруза) и Тюльпан, следуя в этом духу учения Руссо, взгляды которого на воспитание он изложил в докладной записке, представленной властям и озаглавленной «Размышления о недостатках преподавания в школах начального обучения в Каракасе и о мерах по улучшению оного».

От Симона Родригеса узнал впервые молодой Боливар о традициях освободительной борьбы в колониях, о восстании инка Кондорканки и о Миранде. Родригес познакомил своего воспитанника с классиками древности, с философией, с идеями великих французских мыслителей, многие книги которых имелись в отцовской библиотеке Боливара. С энтузиазмом говорил учитель своему ученику о французской революции 1789 года, отменившей рабство и возвестившей всему миру грядущую эру свободы, равенства и братства.

Уго Чавес с пистолетами Симона Боливара в своём рабочем кабинете в Каракасе, 2012-й год

«Я безумно люблю этого человека», – признавался впоследствии Боливар, говоря о Родригисе. После того как испанцы были изгнаны из колоний и дело независимости востор-

жествовало, Боливар писал своему учителю: «Вы побудили меня посвятить мое сердце служению справедливости, великому, прекрасному. Я следовал по пути, начертанному вами».

Симон Родригес был наставником Боливара в течение пяти лет. Когда они встретились, учителю было 20 лет, ученику – 9; ученик смотрел на учителя с опаской и уважением. Когда они расставались, учителю исполнилось 26, а ученику -14 лет; их объединяла крепкая дружба единомышленников. Расставание произошло при драматических обстоятельствах. Учитель был одним из активных участников республиканского заговора, во главе которого стояли Гуаль и Эспания. После их ареста Родригес был вынужден бежать. «Борись против проклятых «годос», за свободу Венесуэлы, – сказал Симон Родригес своему ученику. – Мы скоро встретимся».

Симон Родригес отбыл в Европу. Вскоре он появился в Париже под фамилией Робинзон. Его можно было встретить в масонских ложах, в модных литературных салонах, в кабачках, где собирались рабочий люд и мастеровые. Он проповедовал идею освобождения испанских колоний. Затем Родригес Робинзон побывал в Риме, Вене и, следуя по стопам Миранды, появился в Санкт-Петербурге, откуда возвратился в Париж. Там он встретился впоследствии вновь с Симоном Боливаром.

После отъезда Родригеса Боливару наняли нового воспитателя – Андреса Бельо, одного из самых образованных молодых людей Венесуэлы того времени. Бельо был поэтом, знатоком классической литературы, поклонником Французской революции 1789 года. Поэтому Бельо, как и Родригес, пользовался в кругах колониальной администрации репутацией «черной овцы». Новый воспитатель преподавал Боливару географию. Математику и космографию.

Два года спустя после бегства Родригеса из Венесуэлы молодой Боливар был послан опекуном дядей Карлосом в Испанию для совершенствования в науках. В Мадриде, где у Симона были влиятельные родственники, он был принят в аристократических семьях и даже допущен к играм с наследным принцем и впоследствии его врагом будущим королем Испании Фердинандом VII. Молодой креол, однако, уже тогда вел себя с испанскими грандами независимо и вызывающе. Испанские власти даже заподозрили его в заговорщической деятельности, и только покровительство его влиятельных родственников спасло Боливара от ареста…[10]

В апреле 1810 года испанское господство в Венесуэле было свергнуто, а в 1811 году страна была провозглашена независимой республикой. Втомже году Боливар был послан революционной хунтой в Лондон искать поддержки у британского правительства. Последнее, однако, предпочло сохранять нейтралитет. Боливар оставил в Лондоне агента Луи-Лопеса Мендеса для заключения соглашения от имени Венесуэлы о займе и вербовке солдат и вернулся обратно с транспортом оружия. Испанцы обратились за содействием к полудиким обитателям венесуэльских степей (льянерос). Война приняла самый жестокий характер. Боливар решил ответить тем же, приказав истребить всех пленников. После того, как Венесуэльская республика была разгромлена испанскими войсками в 1812 году, Боливар бежал в Новую Гранаду (ныне Колумбия), где написал «Манифест из Картахены», а в начале 1813 года вернулся на родину. В августе 1813-го его войска заняли Каракас; была создана 2-я Венесуэльская республика во главе с самим Боливаром. Но и на этот раз он потерпел поражение в 1814 году и был вынужден искать убежище на Ямайке.

К 1815 году испанской короне после поражения в Европе Наполеона I и восстановления в Испании власти Фердинанда VII удалось вновь установить свою власть на всей территории Латинской Америки, исключая Ла-Плату. С этой целью испанцы использовали метод

[10] Симон Боливар и его роль в освобождении Латинской Америки // http://istorya.ru/forum/?showtopic=439

уступок и распространили на колонии либерально-демократическую Кадисскую конституцию 1812 г., принятую в Испании, но все-таки основной упор ими был сделан на использование военной силы.

Два поражения и пребывание на Ямайке привели Боливара к мысли о необходимости отмены рабства. Он убедил президента Гаити А. Петиона оказать повстанцам военную помощь и в декабре 1816 года высадился на побережье Венесуэлы. Отмена рабства (1816 г.) и изданный в 1817 году декрет о наделении солдат освободительной армии землей позволили Боливару расширить социальную базу революции. После неудачной попытки собрать вокруг себя всех предводителей революционных войск, чтобы действовать по общему плану, Боливар в мае 1817 года овладел Ангостурой[11] и поднял против Испании всю Гвиану. Затем он приказал арестовать своих бывших сподвижников Пиара и Марино (первый был казнен 16 октября 1817 года). В феврале 1818 года, благодаря присылке из Лондона солдат, Боливару удалось сформировать новую армию. Вслед за успешными действиями в Венесуэле его войска в 1819 году освободили Новую Гранаду. В декабре 1819 года он был избран президентом провозглашенной Национальным конгрессом в Ангостуре Республики Колумбии, куда вошли Венесуэла и Новая Гранада.

В 1821 году стали независимыми и другие испанские колонии: Мексика, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор и прочие центральноамериканские страны.

24 июня 1821 года близ поселения Карабобо в Венесуэле добровольческая армия Симона Боливара нанесла сокрушительное поражение испанскому королевскому войску. К 1822 году Эквадор, Венесуэла и Колумбия добились независимости. В 1822 году колумбийцы изгнали испанские силы из провинции Кито (ныне Эквадор), которая присоединилась к Колумбии.

В то же время аргентинская повстанческая армия (около пяти тысяч человек) освободила Чили и высадилась в Перу. Здесь она некоторое время действовала в союзе с армией Боливара. В июле 1822 Боливар встретился в Гуаякиле с Хосе де Сан-Мартином[12], армия которого уже освободила часть Перу, но не сумел договориться с ним о совместных действиях. В 1824 году (6 августа при Хунине и 9 декабря на равнине Аякучо) были разгромлены последние испанские силы на американском континенте. Венесуэла была полностью освобождена от колониалистов только к 1824 году. Боливар, в феврале 1824 года ставший диктатором Перу, возглавил и созданную в 1825 году на территории Верхнего Перу республику Боливию, названную так в его честь. Окончательный разгром испанской армии в Перу и вместе с тем полное изгнание Испании из Америки произошли в 1825–1826 гг. В 1825 году становится независимой Боливия.

На месте бывших испанских и португальских колоний возникли 10 независимых государств: Аргентина, Боливия, Бразилия, Великая Колумбия, Мексика, Парагвай, Перу, Центрально-Американская федерация, Чили, Уругвай. Таким образом, все бывшие испанские колонии (за исключением островных владений – испанская часть Сан-Доминго, Куба и Пуэрто-Рико) стали политически самостоятельными государствами.

Отделение Бразилии от Португалии совершилось мирным путем. Оно было декретировано «сверху», но под давлением «снизу» в 1822 году. Сын и наследник португальского короля Педро, оказавшийся в Бразилии, отказался подчиниться приказу португальского парламента о возвращении на родину, и заявил об отделении Бразилии: день 9 января 1822 года вошел в историю Бразилии под названием «Я остаюсь». Португалия была слишком слаба, чтобы настаивать на своих «правах» и Бразилия стала независимым государством.

---

[11] **Ангостура** – город в Венесуэле. Основан в 1764 году как Сан-Томас-де-ла-Нуэва-Гуаяна. В 1840-х годах переименован в честь Симона Боливара в Сьюдад-Боливар. Столица штата Боливар.

[12] **Хосе де Сан-Мартин** (25 февраля 1778 – 17 августа 1850) – один из руководителей Войны за независимость испанских колоний в Латинской Америке 1810–1826 гг., национальный герой Аргентины. Возглавлял первое правительство Перу.

Конституции новых государств практически все были списаны с конституции США, а политическое устройство построено по типу Североамериканских Соединенных Штатов: президент, две палаты, узкий круг избирателей.

Долгое время в Южной Америке сохранялось рабство негров и индейцев и система полукрепостнической зависимости пеонов в крупных землевладельческих хозяйствах. Отмена рабства шла в Южной Америке почти сто лет: с 1811-го (Чили) до 1888 года (Бразилия).

После окончания войны за освобождение, по замыслу Боливара, образовывались Южные Соединенные Штаты, в которые должны были войти Колумбия, Перу, Боливия, Ла-Плата и Чили. 22 июня 1826 года Боливар созвал в Панаме конгресс из представителей всех этих государств, который, однако, вскоре распался.

Вскоре после того как проект Боливара получил широкую известность, его стали обвинять в желании создать империю под своей властью, где он станет играть роль Наполеона. В Колумбии начались партийные раздоры. Часть депутатов во главе с генералом Паэсом провозглашали автономию, другие хотели принять Боливийский кодекс.

Боливар быстро прибыл в Колумбию и, приняв на себя диктаторские полномочия, созвал 2 марта 1828 года в Оканье национальное собрание с целью обсуждения вопроса: «Должна ли быть преобразована конституция государства?» Конгресс не мог прийти к окончательному соглашению и после нескольких заседаний закрылся.

Тем временем перуанцы отвергли Боливийский кодекс и отняли у Боливара титул пожизненного президента. Лишившись власти в Перу и Боливии, Боливар 20 июня 1828 года вступил в Боготу, где учредил свою резиденцию в качестве правителя Колумбии. Но уже 25 сентября 1828 года федералисты ворвались в его дворец, убили часовых, а сам Боливар спасся лишь чудом. Однако основная масса населения выступила на его стороне, и это позволило Боливару подавить мятеж, который возглавлял вице-президент Сантандер. Глава заговорщиков вначале был приговорен к смертной казни, а затем выслан из страны вместе с 70 своими сторонниками.

На следующий год анархия усилилась. 25 ноября 1829 в самом Каракасе 486 знатных граждан провозгласили отделение Венесуэлы от Колумбии. Боливар, дело которого окончательно рушилось, постепенно терял всякое влияние и власть.

В своей записке, поданной им конгрессу, собравшемуся в Боготе в январе 1830 года для реформы государственного устройства Колумбии, Боливар жаловался на несправедливые обвинения против него, которые доносились из Европы и Америки.

В начале 1830 года он ушел в отставку и вскоре умер близ колумбийского города Санта-Марта 17 декабря 1830. Перед смертью Боливар отказался от своих земель, домов и даже государственной пенсии и целые дни проводил, созерцая из окна живописные пейзажи местных «снежных гор» – Сьерра-Невады.

Специально для сторонников теории мирового заговора стоит отметить, что посвящение в масонство Боливар прошел в Испании, в Кадисе. С 1807 года он состоял в Шотландском уставе. В 1824 году в Перу сам Боливар учредил ложу «Порядок и Свобода» № 2.

Мавзолей Симона Боливара в центре Каракаса

Как говорят, Симон Боливар выиграл 472 битвы. В Латинской Америке имя Боливара очень популярно. Оно увековечено в названиях государства Боливия, провинций, городов, улиц, денежных единиц (боливиано – Боливия, боливар – Венесуэла), с помощью многочисленных памятников. Ему посвящены биографические очерки, художественные произведения, исторические труды. Сильнейший футбольный клуб Боливии носит название «Боливар». Боливар является главным героем в романе колумбийского писателя Габриэля Гарсии Маркеса «Генерал в своем лабиринте».

Как считал Уго Чавес, Боливара отравили. В 2010 году тело Боливара было эксгумировано по распоряжению президента Венесуэлы с целью установления причин смерти Освободителя Южной Америки. С начала 2013 года прах Боливара находится в специально построенном для этого мавзолее в центре Каракаса. Для нового захоронения Чавес предоставил новый гроб, сделанный из красного дерева и инкрустированный бриллиантами, жемчугом и золотыми звездами.

После ухода Испании из Южной и Центральной Америки, ее место политического и военного гегемона быстро заняли Соединенные Штаты.

Первой крупной агрессией США явился захват северных провинций Мексики в 1846 году. Сначала правительство США спровоцировало переворот в Техасе (принадлежавшем Мексике), затем аннексировало эту территорию; после того был предпринят провокационный набег на Мексику, а когда последняя попробовала защищаться, США объявили ей войну[13]. Авраам Линкольн, будущий президент США, осудил эту войну, президент США Грант назвал ее одной из самых несправедливых войн, которую когда-либо сильная нация вела против слабой.

[13] **Американо-мексиканская война** – военный конфликт между США и Мексикой в 1846–1848 гг. В Мексике войну называют Североамериканской интервенцией (а также Войной 47-го года). В США известна как Мексиканская война.

Трущобы Каракаса

Но, между тем, выпускать из рук добычу американские политики не желали. В результате агрессии Соединенных Штатов Мексика потеряла более половины своих территорий. Из захваченных у Мексики земель были созданы североамериканские штаты Техас, Калифорния, Аризона и др.

В 1854–1860 годах в Мексике, вернее, на той территории, что оставили мексиканцам США, происходит революция и начинается гражданская война. Воспользовавшись этим, в Мексику вторгается коалиция европейских держав (Великобритания, Франция и Испания). В результате интервенции страна попадает в фактическую зависимость от Франции и ее императора – Наполеона III, который, как было сказано выше, объявил ее сферой французских национальных интересов. Мексика стала империей, на престол которой французы посадили своего ставленника, «императора» Максимилиана I. Впрочем, просидел на престоле он недолго: в 1867 г. Франция вывела свои войска из Мексики, и сразу после этого Максимилиан был свергнут и расстрелян.

Однако, как результат французского влияния, с легкой руки Наполеона III, появился – и сохранился до сего времени-термин «Латинская Америка», обозначающий все, что находится южнее Рио-Гранде[14].

Именно на эти территории (вместо старых колониальных держав) стали претендовать как на свою вотчину Соединенные Штаты Америки. Первоначальная политика изоляционизма[15], возникновение которого восходит к периоду войны за независимость в Северной Америке (1775–1783) и который сыграл существенную роль в ограждении США от вмешательства монархической Европы, прежде всего Великобритании, стремившейся к восстанов-

[14] По Рио-Гранде («Большая река» – *исп.*) проходит граница между США и Мексикой.

[15] **Изоляционизм** – термин, использовавшийся США (с середины XIX в.) преимущественно для обозначения направления во внешней политике США, в основе которого лежит идея неучастия в европейских делах и вообще в вооруженных конфликтах вне американского континента

лению утраченных позиций на Американском континенте, породила «доктрину Монро»[16] и идею «панамериканизма»[17], которые послужили ширмой для прикрытия экспансионистских планов США в Латинской Америке.

Доктрину Монро можно в какой-то мере сравнить с папской буллой, разделившей в XVI веке мир между Испанией и Португалией: в послании президента Монро выдвигался принцип разделения мира на европейскую и американскую сферы влияния и провозглашалась идея невмешательства США во внутренние дела европейских стран и соответственно, невмешательства европейцев во внутренние дела стран Американского континента. «Американские континенты, – указывалось в послании, – ввиду свободного и независимого положения, которого они добились и которое они сохранили, не должны рассматриваться впредь в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державой». Так был провозглашен принцип «Америка для американцев». В то же время доктрина Монро содержала обоснование североамериканского экспансионизма и ставила рост могущества США в зависимость от присоединения новых территорий и образования новых штатов – в том числе и за счет стран Латинской Америки. Так что «Америка для американцев» на самом деле означала «Америка для США».

С конца XIX века США стали использовать для осуществления своей экспансии в Латинской Америке и вытеснения из этого региона других капиталистических стран, особенно Великобритании, Панамериканские конференции[18] (1-я Панамериканская конференция проходила в 1889–1890 годах) и Панамериканский союз. В эпоху империализма США пытались оправдать заявлениями об «общности интересов» американских государств многочисленные интервенции на Кубе, в Мексике, Гаити, Никарагуа, Колумбии, Панаме, Доминиканской Республике и других латиноамериканских странах. Любыми способами, включая силовые, североамериканские компании захватывают добычу ценных металлов, а затем и нефти.

---

[16] **Доктрина Монро** – декларация принципов внешней политики США, провозглашенная в послании президента США Дж. Монро конгрессу 2 декабря 1823. Разработана в связи с угрозой интервенции Священного союза в Латинскую Америку в целях восстановления господства Испании в ее американских владениях. Ведущая роль в разработке доктрины Монро принадлежала государственному секретарю США Дж. К. Адамсу.

[17] **Панамериканизм** – политическая доктрина, в основу которой положена противоречащая фактам и построенная на извращенном толковании исторического процесса идея о якобы существующей общности исторической судьбы, экономики и культуры США и других стран американского континента. Панамериканизм используется североамериканским империализмом для «обоснования» экономической, политической, а нередко и прямой военной экспансии США в страны Латинской Америки.

[18] Периодические конференции американских республик, созываемые с 1889 года. До 1948 года именовались Международными конференциями американских государств, или Панамериканскими конференциями. Идея созыва таких конференций была выдвинута еще в 1826 году на Панамском конгрессе латиноамериканских государств. В 80-х годах XIX века эту идею использовали США в целях установления своего господства и борьбы с европейскими соперниками в Латинской Америке.

Венесуэла на карте Южной Америки

Именно США развязали первую империалистическую войну за передел колониальных владений – Испано-американскую[19]. 15 февраля 1898 г. после взрыва американского броненосца «Мэн»[20], правительство президента США У. Мак-Кинли, под предлогом поддержки национально-освободительного движения на Кубе (восстание против испанского господства началось на острове в 1895 году) объявило войну Испании. В ходе боевых действий США захватили принадлежавшие Испании с XVI века Кубу, Пуэрто-Рико, Филиппины. Согласно Парижскому миру, завершившему войну, Испания отказалась от прав на все эти колонии, которые были объявлены «свободными государствами», оказавшимися, однако под тем или иным контролем США. Гуам – южный остров в составе Марианских островов, подчинявшихся генерал-губернатору Филиппин, был передан по Парижскому договору Соединенным Штатам, а в феврале 1899 года Испания продала остальные Марианские острова Германской империи.

Впоследствии Куба и Филиппины получили юридическую независимость. Пуэрто-Рико и Гуам по-прежнему подчинены непосредственно США – то есть, являются североамериканскими колониями.

В 1903 году США устроили, быть может, первую в истории «цветную революцию», в результате которой стала «независимым» государством Республика Панама. Это государство обязано своим существованием решению Соединенных Штатов проложить канал, соединяющий Атлантический и Тихий океаны. Колумбия, которой принадлежали перешеек и при-

[19] **Испано-американская война** – военный конфликт между Испанией и США, 25 апреля – 12 августа 1898 года.

[20] Причины взрыва до сих пор не известны. Кстати, с провокаций на море США начинают все свои войны. Так была начата Гражданская война между северными и южными штатами, вступление США в Первую мировую войну произошло после потопления «Лузитании», во Вторую мировую – нападения японцев на Пирл-Харбор, спровоцированное, как теперь стало известно, американским правительством президента Рузвельта, агрессия США против Вьетнама началась после загадочного нападения в Тонкинском заливе на американский эсминец «Мэддокс». Как предполагают многие аналитики, будущая война США и Ирана так же начнется из-за инцидента в Персидском заливе.

мыкавшая к нему территория, отвергла условия, предложенные правительством США, как невыгодные.

В ответ на это США совершают в Панаме «национальную революцию» и затем (что впоследствии стало обычным), посылают свой военный флот для «защиты» вновь образованного государства. Колумбии ничего не оставалось, как только смириться.

После того, как президент США Теодор Рузвельт внес в 1904 году в доктрину Монро свои поправки, в которых прямо провозглашались претензии США на право быть «международной полицейской силой» в Латинской Америке, уже в первые десятилетия XX века США предприняли интервенции на Кубу, в Мексику, Гаити, Доминиканскую Республику, Никарагуа, Панаму и другие страны континента.

В середине XX века, стремясь закрепить свои экономические и военно-политические позиции в Латинской Америке, США принимали активное участие в создании Организации американских государств (ОАГ, 1948 год), а в 1961 выступили с программой «помощи» странам Латинской Америки, получившей название «Союз ради прогресса»[21].

Военно-политическое и экономическое давление США на латиноамериканские государства подкреплялось идеологическим проникновением, которое, особенно после Второй мировой войны, проводилось под видом борьбы против «коммунистического вмешательства» в дела Западного полушария. Выступая в роли защитника стран Латинской Америки от «коммунистической угрозы», США участвовали в подготовке вторжения на Кубу контрреволюционеров в 1961 году и добились исключения Кубы из ОАГ в 1962. Закрепляя свое влияние в западном полушарии, США навязали латиноамериканским странам принятие таких соглашений, как договор «О взаимной обороне» и резолюцию «О борьбе с международным коммунизмом», которые использовались правительством Соединенных Штатов для вмешательства во внутренние дела других американских государств.

Понятно, что такой сосед по общеамериканскому дому не мог не вызвать опасений у стран Латинской Америки. Начиная еще с Симона Боливара и заканчивая Уго Чавесом и Фиделем Кастро, лидеры государств западного полушария призывали противодействовать вмешательству США во внутренние дела их стран. Однако призывы эти кончались зачастую либо смертью, либо свержением тех, кто возмущался экономическим засильем и неприкрытой агрессивностью северной сверхдержавы.

[21] Предоставление помощи обусловливалось обязательством латиноамериканских стран стимулировать частные инвестиции и гарантировать от национализации уже вложенные в этих странах капиталы североамериканских монополий, а также обязательным контролем со стороны правительства США за использованием ассигнованных сумм. Значительная доля вложений шла на оплату поставок американских товаров. Программа просуществовала до начала 70-х годов XX века.

Глава 3. Уго Чавес – социалист XXI века

«Самого великого социалиста нашей эры звали Иисус Христос. Подумайте только, Иисус капиталист… Кому в голову может придти такое?.. Или капитализм, который является прямой дорогой в ад, или социализм, если вы хотите построить Царство Божье на земле».
Уго Чавес

Несмотря на победу в холодной войне, Соединенные Штаты столкнулись в конце XX – начале XXI веков с новыми вызовами своей глобальной гегемонии. Именно об этом предупреждал североамериканскую политическую элиту Збигнев Бжезинский в своей книгах «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» и «Второй шанс». Бжезинский спрогнозировал появление новой антиамериканской идеологии, основанной на синтезе экономической теории марксизма, христианского гуманизма и радикального экологизма. Бжезинский пишет, что «в какой-то момент американцы столкнутся с коалицией, возглавляемой Китаем в Восточной Азии и Индией и Россией в Евразии, в которую затем может быть вовлечен и Иран». Развитие интернета приведет к обвальному распространению антиамериканизма в странах третьего мира, которые бросят «вызов глобальной иерархии, на вершине которой находится Америка». Бжезинского особенно беспокоит как раз сетевой характер распространения массовой антиамериканской идеологии.

«Что делать Америке, если ей придется столкнуться с рождением новой идеологии, носителями которой являются несколько небольших государств, не имеющих имперских амбиций, но находящихся на высоком уровне идеологической мобилизации? – спрашивает А. Рублев в своей статье «Страшный сон Бжезинского»[22], и продолжает:

– Надо сказать, что сегодня процессы возникновения новых идеологически полюсов происходят с поразительной быстротой. В качестве примера можно указать на латиноамериканский «боливарианизм»[23] или «социализм XXI века», возникший в результате осмысления Уго Чавесом кубинского опыта. Любопытно, что латиноамериканский региональный блок АБЛА, оформился практически одновременно с выходом в печать «Второго шанса» Бжезинского в 2007 году.

А ведь десять лет тому назад победа Уго Чавеса на выборах в Венесуэле воспринималась как малозначительное событие, представлявшее интерес лишь для узкого круга специалистов по Карибскому региону. Тогда Чавес, на первый взгляд, мало отличался от широко распространенного в Латинской Америке типажа военно-популистского лидера, которых в истории континента было, как минимум, несколько десятков. Однако, придя к власти, Чавес начал стремительную идеологическую эволюцию, сблизился с Фиделем Кастро и стал выдвигать идеологические инициативы, имеющие глобальный характер. При Чавесе Венесуэла превратилась в «плавильный котел» идеологий, в котором «варятся» сегодня элементы солидаризма, теологии освобождения, индейского национализма, марксизма советского типа, троцкизма, доктрины «новых левых» и классической европейской социал-демократии».

Похоже, происходит именно то, чего опасался Бжезинский.

---

[22] *Рублев А*. Страшный сон Бжезинского // http://www.chelemendik. ru/ShowDoc.php?d=555

[23] **Боливарианизм** – комплекс политических доктрин, который распространен в Южной Америке, особенно в Венесуэле. Боливарианизм назван в честь Симона Боливара – венесуэльского полководца и национального героя, который возглавил борьбу за независимость Южной Америки в XIX веке.

«Пока капитализм «отдыхал» после распада СССР, – рассказывали на встрече с левыми активистами живущие в России венесуэльцы, – появилось новое революционное движение-бол иварианизм. Оно возникло как ответ неолиберализму[24]. Идеи глобализации, всемирной интеграции выглядят очень привлекательными. У всех будут одинаковые права и возможности, мы все будем жить как в одной большой деревне. Однако наш президент сравнивает этот процесс с поеданием маленькой рыбки большой. Это тоже интеграция, но для маленькой рыбки не очень выгодная. Именно такой вариант глобализации сегодня навязывают странам Латинской Америки, Африки и Азии»[25].

Уго Чавес с самого начала своего президентства называл себя «боливарианским патриотом» и применил свою интерпретацию к нескольким идеям С. Боливара, как часть т. н. Боливарианской революции. Это отразилось в изменении Конституции 1999 года, когда официальное название государства Венесуэла стало Боливарианская Республика Венесуэла. По всей стране возникли Боливариансие школы, Боливарианские кружки, а также Университет Боливарианской Венесуэлы. Часто термин «боливарианизм» даже специально используется для обозначения периода правления У. Чавеса. Главные положения боливарианизма, обозначенные самим Чавесом, включают в себя несколько основных пунктов:

• южноамериканский экономический и политический суверенитет (антиимпериализм);

• массовое участие в политической жизни населения через прямые выборы и референдумы (представительная демократия);

• экономическая самостоятельность (в производстве продовольствия, потребительских товаров долгосрочного пользования и т. д.);

• воспитание в людях патриотизма;

• справедливое распределение природных ресурсов;

• устранение коррупции.

Симон Боливар, на идеологическое наследие которого опирается Уго Чавес, был не просто последователем европейского Просвещения и продолжателем дела Французской революции в Западном полушарии. Он сформулировал идею континентальной революции, которую некоторые южноамериканские политические лидеры пытаются сейчас использовать как альтернативу глобализации по-американски.

Представления о мировой революции родились не в раннем марксизме. Для тех, кто штурмовал Бастилию, было уже совершенно понятно, что разум един для всего человечества, свобода является универсальным принципом, а потому идеи, вдохновившие Францию, непременно должны распространиться по всей Европе и по всему миру. Боливар, выросший в колониальном обществе, рассуждал несколько иначе. Для него торжество свободы оказывалось неотделимо от установления национальной независимости. Но эта независимость мыслилась не как завоевание самостоятельности несколькими периферийными государствами, а как освобождение континента в целом. Самостоятельность «нашей Америки» должна была гарантироваться ее внутренним единством.

Симон Боливар, завоевывая независимость для латиноамериканских республик, верил, что на месте испанских колоний появится не множество разрозненных и часто враждующих

---

[24] **Неолиберализм** – направление политической экономии и философии, возникшее в 1930-е годы и достигшее своего расцвета в конце 1980-х – 1990-е гг. В отличие от классического либерализма, не отрицает полностью государственное регулирование экономики, рассматривая свободный рынок и неограниченную конкуренцию как основное средство обеспечения прогресса и достижения социальной справедливости, возможных прежде всего на основе экономического роста, который измеряется валовым внутренним продуктом. Возникновение неолиберализма связывается с наступлением «второй эры глобализации». Неолиберализм сформировался в качестве оппозиции развитию в середине XX века идей социал-либерализма, предполагавшего социальное сотрудничество и защиту, сочетания конкуренции с государственным регулированием и социальными программами.

[25] Опубликовано: rksmb.ru/get.php

между собой государств, а единая семья братских народов, строящих свою судьбу самостоятельно, но совместно.

Уго Чавес во время визита в Уругвай 8 декабря 2005 года.

Этим мечтам не дано было воплотиться в жизнь, хотя, казалось бы, все предпосылки для этого были. Латинскую Америку объединяет испанский язык (за исключением, конечно, говорящей на португальском Бразилии), католическая религия, общие исторические корни и сходная культура, в том числе политическая. К тому же все страны региона на протяжении большей части своей истории находились под внешним влиянием – сначала это была европейская метрополия – Испания или Португалия, потом неформальное господство США, экономическое, а порой и политическое[26].

Неудивительно, что традиция Боливара продолжала влиять на радикалов и революционеров Латинской Америки в XX веке. «Революционное кондотьерство» Эрнесто Че Гевары исходило из той же боливарианской идеи о борьбе сразу в масштабах целого континента. Однако Че Гевара потерпел поражение. Причину его гибели надо искать в самом латиноамериканском обществе, которое в середине XX века было еще совершенно не готово к подобному радикальному преобразованию[27].

Но в конце 90-х годов XX – начале XXI веков начались глобальны социальные, политические и экономические изменения, которые не могли не повлиять и на латиноамериканский континент. Переход к постиндустриальному (информационному) глобальному обществу привел к сокращению суверенитета отдельных национальных государств, финансовой, индустриальной и политической уязвимости, а в целом – к кризису неолиберализма. Вновь

[26] *Борис Кагарлицкий*. Латинская Америка: революция ради интеграции? // http://scepsis.net/library/id_1050.html

[27] Наследники Боливара. // ttp://www.tinlib.ru/politika/sbornik_ statei _i _intervyu_2006g/p117.php

оказались востребованными идеи Боливара, уже в интерпретации Уго Чавеса, при котором идея латиноамериканской интеграции возродилась под именем Боливарианской альтернативы и была одним из краеугольных камней стратегии венесуэльского президента.

В основе подхода Чавеса лежало трезвое понимание того, что «социализм в одной отдельно взятой стране» заведомо обречен, а революция должна выйти за пределы одного государства, превращаясь в фактор глобального общественного развития, иначе ей грозит вырождение. Президент Венесуэлы не случайно, возвращаясь в 2004 году из Москвы, читал «Преданную революцию» Льва Троцкого (книгу, подаренную ему во время тура по Европе кем-то из западных активистов). Идеи Троцкого ложились на его собственную боливарианскую традицию и уроки революций недавнего прошлого – кубинской, чилийской, никарагуанской. Если Венесуэла всерьез собиралась двигаться в сторону социализма, надо сделать что-то такое, что гарантирует от повторения советского опыта. Ответ виделся в демократической интеграции континента[28].

Чавесская версия боливарианизма, хотя и содержала по большей части идеи Симона Боливара, но включала и положения, взятые из работ марксистского историка Федерико Брито Фигероа. Чавес, в свое время, находился также под влиянием южноамериканской традиции кооперативизма, как и Хорхе Эльесера Гайтана, Фидель Кастро, Че Гевара и Сальвадор Альенде. На политические убеждения Чавеса оказали влияние такие фигура, как Эсекиель Самора и Симон Родригес.

В последнее десятилетие своей жизни Чавес придает большое значение демократическому социализму (форма социализма, которая подчеркивает активное участие нижних слоев населения в управлении государством) в современном боливарианизме. 30 января 2005 года на Всемирном социальном форуме в Порто-Алегре (Бразилия) Чавес заявил о своей поддержке демократического социализма как неотъемлемой части боливарианизма, говоря, что человечество должно принять политику «нового типа социализма и гуманизма, которые ставят людей, а не машины или государство, впереди всего». Позже он подтвердил свои слова в выступлении на 4-м Саммите по вопросам социального долга, проходившем в Каракасе.

То влияние, которое оказал сам Чавес на идеи боливарианизма, позволило как сторонникам, так и противникам венесуэльского президента называть это учение в его современном виде «чавизмом», а сами последователи Чавеса называют себя «чавистами».

Быть может, в этом есть значительная доля истины. Надо помнить, что, помимо идеи «демократического социализма» и борьба с коррупцией, боливарианизм, как и практически любая латиноамериканская политическая система, уже более ста пятидесяти лет, начиная с самого С. Боливара, базируется на таком своеобразном основании, как «каудилизм»[29].

По окончании войн за независимость страны Латинской Америки оказались под властью политических режимов, возглавляемых диктаторами – каудильо. При этом существование конституций не имело ни малейшего значения, тем более что их непрестанно изменяли и переделывали применительно к нуждам данного режима или сообразуясь с понятиями данного каудильо. По подсчетам У. Фостера («Очерк политической истории Америки»), в Венесуэле за сто лет конституции менялись 15 раз, в Эквадоре – 13, в Боливии – 19.

С началом экономического проникновения в Латинскую Америку Соединенные Штаты использовали военные перевороты и каудилизм в своих интересах. Диктатуры, уста-

---

[28] См.: *Борис Кагарлицкий*. Латинская Америка: революция ради интеграции? // http://scepsis.net/library/id_1050.html

[29] **Каудилизм** – политический феномен, возникший сразу после войны за освобождение Латинской Америки от испанского колониального господства (от *исп.* caudillo – «предводитель»). Характеризуется опорой политического режима на армию и харизматичного лидера. Считается, что «режимы каудильо неустойчивы, их предводители быстро растрачивал свой политический авторитет, социальная опора их власти сужается, а сам каудильо становится жертвой нового заговора». Однако примеры Франко в Испании и Пиночета в Чили опровергают такой поверхностный взгляд на феномен каудилизма.

новленные с помощью Вашингтона, неизменно оказываются наиболее антинародными, наиболее продажными, наиболее террористическими (в Венесуэле Панаме, на Гаити и др.).

Уже в 20–30-х гг. XIX в. в большинстве латиноамериканских республик в связи с формальным установлением конституционного строя и организацией периодических выборов в органы государственной власти (президент, конгресс и т. д.) стали возникать соперничающие группировки. На их базе в последующие десятилетия сложились две политические партии, получившие со временем название «исторических».

Чавес держит в руках новый АК-103 на военной выставке Expo Ejercito в Каракасе 14 июня 2006 года. Справа – министр обороны Венесуэлы Орландо Маниглия.

После завоевания независимости бывшие монархисты, унитаристы и приверженцы бюрократического управления получили название консерваторов и объединялись обычно в консервативную партию. Эта партия в большинстве стран стала наиболее последовательным защитником интересов крупных землевладельцев и католической церкви. Консерваторы были открытыми сторонниками сохранения особых привилегий армии и церкви.

Те круги латифундистов, которые были заинтересованы в торгово-промышленном развитии своих стран, верхушка буржуазии, а также давние противники унитаризма и бюрократической централизации (федералисты) составили ядро либеральной партии. Либералы в XIX в. в Латинской Америке, как правило, не были склонны к радикализму и не стремились к коренному изменению существующего общества. У них были не всегда принципиальные разногласия с консерваторами по отдельным и относительно второстепенным вопросам общественной жизни.

В целом различия между историческими партиями были достаточно условными. Но они становились существенными, когда речь шла о борьбе за государственную власть. Консерваторы и либералы в XIX в. не шли на компромиссы, отвергали политический центризм, безжалостно расправлялись с политическими противниками. Поскольку консерваторы более откровенно выражали интересы господствующей политической элиты, они в XIX в. в целом чаще находились у власти.

В XIX веке латиноамериканская двухпартийная система лишь чисто внешне напоминала свой английский прототип. И консерваторы, и либералы были в это время партиями только в условном смысле. Они не имели какой-либо стройной и прочной организации, а оставались лишь группировками. Их политическое кредо выражалось не в программных документах, а в откровенной ставке на определенного сильного лидера (каудильо), перед которым ставилась цель – захват власти и создание авторитарного режима.

Нередко и сами каудильо, опираясь на собственные вооруженные отряды, делали ставку на одну из двух соперничающих партий. В том случае, если тот или иной каудильо добивался поста президента республики, он рассматривал государственный механизм как свою вотчину и без всяких стеснений назначал на государственные должности своих партийных сторонников, расплачиваясь тем самым за оказанные ему политические услуги. Но и каудильо в борьбе за президентскую власть не полагались только на партийную поддержку.

Сама по себе оппозиционная партия на выборах заведомо не имела шансов на победу. Действующий президент и правящая партия использовали любые средства для того, чтобы не уступить своим политическим противникам государственную власть во время выборов. Они использовали все правовые и неправовые средства давления на избирателей, шли на подкупы, убийства политических противников, на фальсификацию итогов выборов и т. д.

Именно поэтому каудильо делали основную ставку не на выборы и свою «карманную» партию, а на захват власти насильственным путем, прежде всего на государственные перевороты. Трудящиеся массы, низы населения оставались равнодушными к государственным переворотам и к судьбе демократических институтов в целом.

Таким образом, политические партии в XIX в. в латиноамериканских государствах были не инструментом парламентаризма и демократии, а частью специфической системы – каудилизма. Последняя строилась по существу не на конституционно-правовой основе, а на грубой силе, на традициях и на харизматическом авторитете предводителя-каудильо.

Феномен каудилизма неразрывно связан в Латинской Америке с теми исключительными привилегиями, которые сохранила за собой армия еще с эпохи войны за независимость. Авторитарные и диктаторские режимы базировались на милитаризме, который уходил своими корнями в колониальное прошлое, в период борьбы за независимость, когда был высок авторитет военных.

Политическая нестабильность ставила армию в исключительное положение, делала ее часто арбитром в политических конфликтах. Армия не считала себя связанной конституцией. В XIX веке благодаря активному вмешательству армии в политическую жизнь государственные перевороты стали обычным явлением в подавляющем большинстве латиноамериканских республик.

С момента завоевания независимости и до конца XIX в. более ста переворотов в Латинской Америке закончились победой мятежников и свержением старых правительств. Пресловутые латиноамериканские пронунсиаментос были не «революциями», а типичными военными переворотами, сопровождавшимися простой сменой у власти различных фракций правящего блока. Новые каудильо мало что меняли в существующей социальной и политической системе.

Если непредвзято взглянуть на политическую деятельность Уго Чавеса, как предшествовавшую его президентскому правлению, так и во время руководства страной, то можно заметить, что многое, относящееся к каудильо XIX века, можно легко отнести и к Уго Чавесу. Подполковник Уго Чавес до конца жизни гордился своей принадлежностью к касте военных, уделял львиную долю своих трудов поддержке боеспособности венесуэльской армии, на которую он опирался, и которая не раз его поддерживала в трудные дни. Как и многие южноамериканские политики, он начал свою карьеру с попытки вооруженного переворота.

А уж в том, что именно от этого сверххаризматичного лидера зависело как настоящее, так и будущее Венесуэлы, наверно мало кто сомневается.

Многое роднит его с и левыми команданте – Фиделем Кастро, Че Геварой, Камило Сьенфуэгосом. Но многое и разнит – например, совместимость радикального левого курса и демократии. В этом он схож с никарагуанскими сандинистами, которые, назначив в 1990 году свободны выборы и проиграв их, не стали цепляться за власть, а передали ее победителю – кандидату от либеральной оппозиции Виолетте Чаморро. (Впрочем, кто знает, если бы в тот момент дело не шло к развалу СССР, отказались бы сандинисты от власти так легко?)

Так или иначе, именно этот факт стал позднее важным моральным аргументом для президента Чавеса в Венесуэле. Когда Чавес говорил, что останется у власти лишь до тех пор, пока сохраняет поддержку избирателей, ему верили не только потому, что хотели верить, но и потому, что его заявления подтверждались опытом Никарагуа[30]. Но проверить эти заявления возможности так и не представилось.

По признанию матери будущего президента, она хотела, чтобы ее сын стал монахом. Но Чавес выбрал военную карьеру. Окончив Академию Министерства обороны, он человек поступил на службу в воздушно-десантные войска. Красный берет венесуэльских ВДВ останется его непременным атрибутом до конца жизни.

В течении всех трех президентских сроков он, без сомнения, активно опирался на армию, более того, его приходу к власти демократическим путем предшествовала попытка государственного переворота. В начале 1980-х годов Уго Чавес становится участником леворадикальной подпольной организации антиправительственной и антиамериканской направленности: в военном училище он вместе с сокурсниками создал организацию под названием «Комакате» («COMACATE»), которая со временем превратилась в Революционное боливарское движение.

В 1992 году Чавес поднял восстание «за социализм и демократию». Армейские колонны под его командованием вошли на улицы Каракаса. Хотя в заговоре приняли участие свыше 1000 солдат, по своей сути путч представлял авантюру. Чавес, подняв восстание, проиграл. Осознав бесперспективность сопротивления, он сам приказал соратникам сложить оружие, дабы избежать ненужных жертв, сдался и взял ответственность за восстание на себя. Выступил с заявлением на правительственном телеканале и призвал своих сторонников отступить. «На данный момент нам не удалось достичь целей, которые мы ставили перед собой» – заявил команданте, давая понять, что отступать он не собирается, а будет и дальше бороться за лучшее будущее для своей страны.

[30] *Б. Кагарлицкий*. Возвращение сандинистов // http://scepsis.net/ library/id_934.html

Чавес с соратниками в тюрьме, после провалившейся попытки военного переворота в феврале 1992 года

В тюрьме Уго Чавес провел два года.

В 1994 году глава государства Рафаэль Кальдера помиловал мятежного подполковника и его соратников. Практически все они погрузились в заботы гражданской жизни, и только он занялся активной политикой, объездил всю страну и не жалел усилий, чтобы создать себе базу народной поддержки. Иногда послушать его приходило не более 5–6 человек, но и в этом случае он выкладывался до предела, разъясняя боливарианскую программу действий.

После неудавшегося государственного переворота Уго Чавес сидел в тюрьме с 1992 по 1994 год

Вскоре Чавес создал политическое «Движение Пятая республика», объединившее левые силы страны. Спустя 4 года, в 1998 году, Чавес оказался самым популярным из левых лидеров страны и стал президентом Венесуэлы.

Как объяснить феномен Чавеса? Молодой, перспективный офицер, не выдержавший страданий простого народа и решившийся на восстание – это, скорее, романтический герой середины XIX века, а не политик-рационалист конца XX, когда потерпела крушение мировая система социализма и распался Советский Союз. Казалось бы, о каком социализме может быть речь в это время?

Но, переквалифицировавшийся из военного в политика, Чавес в декабре 1994 года побывал на Кубе. Выступая в Гаванском университете, он огласил свои революционные принципы, впоследствии воплощенные им в жизнь. В то время Уго Чавес находился под идеологическим влиянием аргентинца Норберто Сесесоле, который и убедил его обратить внимание на социалистические идеи ливийского лидера М. Каддафи. Его формула «Лидер-Армия-Народ» была взята Чавесом на вооружение. Она и обеспечила ему приход к власти. И еще Сересоле посвятил Чавеса в различные конспирологические теории, попытался разъяснить ему подоплеку плутократического капитала, теневой деятельности Бнай Брит, Бильдербергского клуба и прочих организаций подобного типа. В конце концов, Сересоле, столь плохо влиявший (с точки зрения США) на подполковника-социалиста, не без содействия ЦРУ и Моссада был выслан из страны[31].

[31] См.: *Никандров Н.* Уго Чавес – цель № 1 для спецслужб США // http://www.tiwy.com/leer.phtml7ick4879

Уго Чавес и Фидель Кастро. 13 августа 2001 года

Уго Чавес навещает находящегося в госпитале Фиделя

Во время своего визита на Кубу Чавес заручился поддержкой патриарха всех социалистов Нового Света Фиделя Кастро. С тех пор Кастро стал другом Уго Чавеса, и политики часто отмечали вместе дни рождения. На 75-летие главы Кубы Чавес пригласил Кастро в Венесуэлу и на торжественном приеме спел ему вместе с квартетом музыкантов «Happy

Birthday». «Отцу», – так он часто называл Фиделя Кастро, – Уго Чавес подарил свою первую винтовку. После торжества друзья отправилась на водную прогулку по одной из рек в тропических лесах Венесуэлы, и президент Венесуэлы заявил, что эта встреча дала ему возможность выразить всю свою любовь Фиделю. В дальнейшем восторженные заявления Чавеса по поводу Кастро не раз появятся в блоге Twitter'а венесуэльского президента. (Кстати, Уго Чавес был активным пользователем этой социальной сети, а венесуэльцы, которые становились миллионными подписчиками своего президента, не раз получали от него в подарок дома.)

Политическое движение Чавеса сотрудничало с такими венесуэльскими партиями, как «Движение к социализму», «Родина для всех», Коммунистическая партия Венесуэлы, и со многими общественными организациями, которые впоследствии способствовали выдвижению его кандидатуры на пост президента страны. В 1998 году Уго Чавес стал вторым политиком социалистического толка в Латинской Америке, кто пришел к власти при помощи выборов. Первым был чилиец Сальвадор Альенде в 1970 году.

Уго Чавес и его молодые сторонники. 13 декабря 1999 года

Ни в 1970-м, ни в начале 2000-х США не приветствовали появления в южноамериканском регионе, неофициально называемом «задним двором Соединенных Штатов» политиков, которые не разделяют пресловутые «демократические ценности».

Свою президентскую карьеру Уго Чавес построил на противостоянии консервативной элите Венесуэлы, погрязшей в коррупции. Победа на выборах 1998 года открыла перед политиком двери президентского дворца, но не дала в руки всей полноты власти, так как парламент по-прежнему контролировали консерваторы.

И Чавес бесстрашно пошел на самые радикальные реформы, целью которых было улучшение жизни самых бедных слоев населения. Америка немедленно объявила его «врагом демократии», «спонсором терроризма» и «наркобароном».

В 1973 году Соединенные Штаты организовали в Чили военный переворот, в ходе которого президент Альенде погиб, а к власти пришла проамериканская хунта во главе с Аугусто Пиночетом. В 2002 году тот же сценарий был опробован в Венесуэле. В скоординированных действиях против Чавеса приняли участие военные, рабочие и гражданские активисты правых. В стране началась забастовка государственной нефтяной компании, вызванная кадровыми решениями главы государства.

Путчисты окружили президентский дворец и потребовали отставки Чавеса, угрожая в противном случае бомбардировкой дворца, внутри и вокруг которого находились тысячи сторонников правительства. Президентская гвардия ожидала приказа и была готова к защите дворца и главы страны. Но чтобы не допустить кровопролития и избежать возможной гражданской войны, Чавес приказал гвардейцам не применять оружия и дал себя арестовать. Уго Чавес заявил, что он – не свергнутый, а арестованный президент, и власть, данную ему народом, может передать только вице-президенту (который в это время уже находился в подполье, тогда как многие члены правительства были арестованы путчистами). Военные увезли Чавеса в неизвестном направлении. Америка, само собой, приветствовала «падение диктатора».

Уго Чавес на митинге своих сторонников в городке Сан-Кристобаль. 1 февраля 2002 года

Стоит отметить, что в перевороте приняли деятельное участие представители католического епископата Венесуэлы, недовольные правлением «левого» президента. Например, глава католической церкви Венесуэлы монсеньор Веласкес, вместе с Педро Кармоной и арестовавшими Чавеса офицерами, публично клялся перед камерами частных телеканалов, что

лично был свидетелем того, как Уго Чавес подписал документ о своей отставке. Но предъявить этот документ общественному мнению так никто не смог – потому что его не существовало.

Путчисты назначили нового «демократического президента» – Педро Кармона Эстанга, лидера ассоциации предпринимателей Венесуэлы. В статье О. Ясинского и М. Акосты «Венесуэла сменившая путь «развития» на путь непослушания», опубликованной на сайте communist.ru, сообщается, что почти все члены созданного заговорщиками «нового правительства» принадлежат к католическому ордену «Опус Деи»[32].

По данным правозащитных организаций, во время переворота было убито 85 человек – в основном сторонников Чавеса. Многие из арестованных путчистами до сих пор числятся «пропавшими без вести».

Но того, что началось потом, вашингтонские сценаристы не ожидали. На улицы вышли сотни тысяч сторонников Чавеса, требовавших его возвращения. Начались столкновения между чавистами и их противниками. Когда стало ясно, что первые побеждают, армия отказалась подчиняться мятежникам, заявив, что остается верна президенту. Путчисты испугались и спешно освободили президента.

И Чавес триумфально вернулся к власти, продолжив строить «социализм XXI века». Он национализировал крупнейшие предприятия, полагая, что они должны работать не в интересах олигархов, а в интересах народа. Нефтяная отрасль, главный источник доходов страны, должна обслуживать не проведение Олимпиад, чемпионатов мира и строительство бизнес-центров, а развитие здравоохранения, образования и социальной сферы.

Уго Чавес после освобождения из тюрьмы. 13 апреля 2002 года

[32] **Опус Деи** (*лат.* – «Дело Божие», полное название – Прелатура Святого Креста и Opus Dei) – персональная прелатура Католической Церкви. Организация основана в Мадриде 2 октября 1928 года католическим священником Хосемарией Эскрива де Балагер. Официальная цель «Опус Деи» – помогать верующим обрести святость в повседневной жизни, занимаясь обычными земными делами, в частности – профессиональной деятельностью. Штаб-квартира находится в Риме, на Víale Bruno Buozzi, 73. Характеризуется секретностью и закрытостью своей деятельности.

Вскоре вслед за Венесуэлой и остальная Южная Америка дал а северному соседу, недвусмысленный ответ: почти все выборы в южноамериканских странах XXI века выиграны левыми или левоцентристскими силами. Впервые в истории региона президентами его стран стали бывший токарь и индеец. Именно в этой части мира впервые за двадцать лет президент вчерашней капиталистической страны заявил о «курсе на социализм». Здесь сегодня максимальный – за всю историю региона – уровень автономии экономической и внешней политики его правительств[33].

К середине десятых годов нашего столетия термин «социализм XXI столетия» стал политическим лозунгом президента Чавеса, который высказал намерение построить его в Венесуэле. Лозунг этот был позаимствован Чавесом из одноименной книги (1996) Хайнца Дитериха[34]. Термин «социализм XXI века» впервые использовался Уго Чавесом во время его выступления на Всемирном Социальном Форуме 2005 года (Хайнцем Дитерихом термин активно пропагандировался с 2000 года).

Дитерих известен тем, что проанализировал теоретические и практические последствия распада СССР для марксистских и антикапиталистических левых движений и предложил экономическую, политическую и социальную альтернативу, которой не хватало антиглобалистским движениям в 1990-е годы. Наиболее важные свои книги – «Глобальное общество» и «Латинская Америка: от колонизации до глобализации», – он написал в сотрудничестве с Ноамом Хомски[35].

В своей книге «Социализм XXI века» Дитерих объясняет теоретические основы «нового социализма», которые нашли свое практическое применение в революционных преобразованиях в Венесуэле и, в меньшей степени, в соседних с ней странах, Боливии и Эквадоре. Дитрих долгое время являлся советником правительства Венесуэлы.

Его идеи были приняты не всеми, в том числе и в самой Венесуэле. Марксистский идеолог Алан Вудс написал критику якобы реформистских положений Дитериха – книгу «Реформы или Революция». В конце концов, отношения Дитериха с Уго Чавесом ухудшились из-за того, что, по мнению Дитериха, президент Венесуэлы отклонялся от правильного понимания и применения на практике концепции «социализма XXI века». 15 августа 2011 года Дитерих опубликовал статью на сайте www.kaosenlared. net, в которой объяснил причины, побудившие его окончательно порвать с Чавесом.

Дитерих, как явствует из его книги, считает, что организация «социализма XXI века» будет базироваться на четырех основных институтах. Это:

• Экономика эквивалентности, которая должна быть основана на марксистской трудовой теории стоимости и которая демократически определена теми, кто непосредственно создает стоимость, вместо рыночно-экономических принципов;

• Демократия большинства, которая использует референдумы, чтобы решить важные вопросы, затрагивающие все общество;

• Основная демократия, основанная на демократических государственных институтах в качестве законных представителей общих интересов большинства граждан, с уместной защитой прав меньшинства;

---

[33] *Кива Майданик*. Четвертая волна // http://scepsis.net/library/ id_3154.html

[34] **Хайнц Дитрих** (родился в 1943 году в Ротенбурге-на-Вюмме) – немецкий социолог и политический аналитик, проживающий в Мексике. Он больше известен как левый идеолог. Публикуется в нескольких журналах и написал более 30 книг о противоречиях Латинской Америки, глобального общества и других, характерных для XX века проблемах.

[35] **Аврам Ноам Хомский** (7 декабря 1928, Филадельфия, штат Пенсильвания, США) – американский лингвист, политический публицист, философ и теоретик. Профессор лингвистики Массачусетского технологического института, автор классификации формальных языков, называемой иерархией Хомского. Помимо лингвистических работ, Хомский широко известен своими радикально-левыми политическими взглядами, а также критикой внешней политики США. Сам Хомский называет себя либертарным социалистом и сторонником анархо-синдикализма.

• Критический и ответственный субъект – рационально, этично и эстетически независимый гражданин.

Эти институты нового исторического проекта опираются на фундаментальные столпы «реальной демократии», региональное сотрудничество (формируя «региональные блоки общественной власти») и права рабочих.

Согласно Дитериху, существующее общество должно быть заменено «качественно отличной системой»: «Программа социализма XXI столетия включает обязательный революционный компонен»[36]. Эта революция, однако, должна быть постепенным процессом, который не использует насилие, то есть, учитывать тот факт, что институты, которые мы имеем теперь, являются результатом тысяч лет проб и ошибок. Из-за этого они не могут быть изменены немедленно «от и до», ибо история нам показывает, что в таких случаях обычно происходит. Согласно Дитериху, люди это не крысы в лаборатории. Каждая крупномасштабная социальная революция, которая хочет быть успешной, должна стать результатом «реальной демократии», хорошо информированного убеждения о льготах и преимуществах проекта, а не господствовать путем репрессии.

Социально-экономическая концепция «социализма XXI века» Хайнца Дитериха основана, в свою очередь, на идеях «компьютерно-плановой» и «эквивалентной экономики» Арно Петерса[37], который считал, что последней будут присущи

• отсутствие временных колебаний цен при постоянном уровне потребности в товарах и услугах;

• отсутствие спекуляций деньгами и товарами, вызывающих случайное или несправедливое распределение богатств;

• невозможность экономических и финансовых кризисов;

• автоматическое упразднение разделения общества на классы, или на бедных и богатых;

• сближение уровней жизни индустриальных и неразвитых стран в процессе торговли ввиду отсутствия возможности у капитала влиять на экономику, политику и социальные сферы неразвитых стран;

• отсутствие частной собственности, так как размер имущества будет определяться исключительно количеством отработанного рабочего времени, которое естественно ограничивается длительностью человеческой жизни;

• экономическая и социальная стабильность общества.

Препятствием для полного раскрытия эффективности «эквивалентной экономики» Петерс видел в ограничении возможности отдельных стран производить для внутреннего потребления абсолютно все необходимые товары и услуги. Только обмен товарами и услугами на глобальном уровне по принципу эквивалентности может полностью раскрыть эффективность данной модели экономики. Для осуществления этого необходимо планирование экономики на локальном, региональном и глобальном уровнях.

В 2000 году Петерс дополнил свою экономическую теорию элементами «IT-социализма». Совместно с Конрадом Цузе, изобретателем первого в мире компьютера, Петерс предлагал применить мощные современные вычислительные системы для решения задач

---

[36] Heinz Dieterich: «Der Sozialismus des 21. Jahrhunderts-Wirtschaft, Gesellschaft und Demokratie nach dem globalen Kapitalismus», Einleitung. Socialism of the 21st Century – Economy, Society, and Democracy in the era of global Capitalism, Introduction.

[37] **Арно Петерс** (22 мая 1916, Берлин – 2 декабря 2002, Бремен) – немецкий исследователь и мыслитель, географ, историк, экономист и гуманист. Основатель теории «эквивалентной экономики». Сторонник нового мирового порядка на основе социалистического устройства глобального общества. Критик капиталистической формы экономики.

планирования, управления и распределения в плановой экономике будущего социалистического общества. По его представлениям, в плановой экономике большинство экономических процессов должно управляется из одного центра, что сделает производство, управление и распределение товаров и услуг в соответствии с требованиями общественных реалий крайне затруднительным или даже невозможным. Эту проблему, по мнению Петерса, возможно преодолеть с помощью современных информационных технологий и компьютеризации производства и управления. В центре управления компьютеры должны собирать и обрабатывать информацию, присланную другими компьютерами из всех крупных, средних и мелких секторов экономики. По мнению Петерса, неудачный опыт планирования экономики в бывших социалистических странах объясняется именно сверхсложностью государственного планирования, введение которого было несвоевременным в условиях неразвитых информационных технологий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.